

К.В. Лемешевский
ПСИХОЛОГИЗМ В ЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ
КОНЦИННИСТОВ: ХРИСТОФ ЗИГВАРТ,
ВИЛЬГЕЛЬМ ВУНДТ И ТЕОДОР ЛИППС¹

В статье рассматривается проблема психологизма в логических учениях оппонентов Эдмунда Гуссерля – немецких конциннистов Христофа Зигварта, Вильгельма Вундта и Теодора Липпса. Выявляются общие положения и расхождения в их концепциях, вызванные психологистическими установками.

The article considers the problem of psychologism in logical doctrines of Edmund Husserl's opponents – German logicians Christoph von Sigwart, Wilhelm Wundt and Theodor Lipps. Common provisions and divergences of their conceptions caused by psychologistic attitudes are revealed.

Ключевые слова: психологизм, логика, конциннисты, теория познания.

Keywords: psychologism, logic, 'Konzinnisten', theory of knowledge.

По своему историко-философскому значению и последствиям спор о психологизме (Psychologismus-Streit) можно сравнить с дискуссиями о дарвинизме и материализме, также надолго определившими развитие философии и науки. Однако, как отмечает Маргрет Кайсер-эль-Сафти, «...до сегодняшнего дня не ясны гносеологические предпосылки и ещё менее исследованы мотивы и биографический бэкграунд его

¹ Статья содержит результаты исследований по проекту Российского гуманитарного научного фонда № 13 03 00564 «Проблема психологизма в логических учениях второй половины XIX – начала XX века (Англия, Германия, Россия)».

участников» [13, S. 9.]. Отчасти этот пробел был заполнен в работе Мартина Куша «Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge» [14]. Однако, как и во многих других работах, посвящённых психологизму (см., напр. [19] и [12]), взгляды его сторонников были представлены в контексте критики с позиций антипсихологистов, прежде всего Фреге и Гуссерля.

«Пролегомены к чистой логике» Гуссерля (1900) в истории спора о психологизме имеют особое значение. По своему критическому эффекту первый том «Логических исследований» сравнивается с «Критикой чистого разума» [4, с. 166] — Гуссерль разгромил психологизм так же, как когда-то Кант — школьную метафизику.

Исследование Гуссерля поражает своей полнотой, владением материалом, знанием работ своих современников. В третьей главе «Пролегомен» Гуссерль выделил и обобщил аргументы психологистов, проделав значительную аналитическую работу. Однако, подвергая критике взгляды своих многочисленных оппонентов, он абстрагировался от различий и уделял внимание общим положениям в их концепциях. В результате, многие исследователи, изучающие спор о психологизме, опираясь на Гуссерля, представляют современный ему психологизм как некое единое и однородное учение.

В данной статье мы рассмотрим взгляды отдельной группы оппонентов Гуссерля, называемых в немецкой историко-логической традиции конциннистами (Konzinnisten) [17], [9, с. 244–245], [7, с. 6.]. К их числу принадлежат Христоф Зигварт (1830–1904), Вильгельм Вундт (1832–1920), и Теодор Липпс (1851–1914). Термин «конциннисты», по всей видимости, ввёл Теодор Циген в своём учебнике по логике [22, S. 205], это слово происходит от латинского глагола

«*concinnae*», означающего «правильно соединять нечто в нужных пропорциях». В логических учениях концинистов соединяются вместе логика, психология и теория познания.

Логическое учение Христофа Зигварта. В предисловии ко второму изданию своей «Логики» Зигварт пишет, что он ставит перед собой цель «положить в основу логики вместо уже бесплодной традиции новое исследование действительного мышления соответственно его психологическим основаниям, а также соответственно его значению для познания и его применению в научных методах» [2, с. 23].

Применение в методологии науки — это не только главная задача логики, но и необходимое условие для преодоления пустоты и абстрактности формальной школьной логики [2, с. 41]. Уже из этих поставленных перед логикой задач видно, что Зигварт не следует кантовской традиции разграничения чистой и прикладной логики. Есть только одна логика — прикладная, определяемая Зигвартом как «техническое учение о мышлении» (*Kunstlehre des Denkens*), которое давало бы указания, как можно прийти к достоверным и общезначимым положениям [2, с. 25]. Поскольку Зигварт не выделяет чистую логику, то его прикладная логика должна иметь другое основание, а именно в психологии мышления.

Зигварт сохраняет за логикой признак формальности, но понимает его также по-своему. Формальность логики заключается для него в отказе «от решения вопроса необходимости и общезначимости данных предпосылок» [2, с. 36], поэтому соблюдение правил логики не гарантирует материальной истинности результатов, а лишь формальную правильность их получения. Однако это не означает, что «логика отвлекается от всякого содержания познания» [3, с. 157]: «Но признавая логику формальной наукой, мы не думаем

этим сказать, что она должна сделать тщетную попытку понять мышление вообще как просто формальную деятельность, которая могла бы рассматриваться обособленно от всякого содержания и которая относилась бы равнодушно к различиям в содержании. Мы не думаем также сказать, что логическое исследование должно совершенно отвлечься и игнорировать общие свойства содержания и предпосылок действительного мышления» [2, с. 36].

Связь с содержанием мышления реализуется в нормативной функции логики, которая «научает так совершать мышление, что возникающие отсюда суждения оказываются истинными, т. е. необходимыми и достоверными, т. е. сопутствуемыми сознанием их необходимости, а поэтому общезначимыми» [2, с. 32]. Достижение результата — истинного суждения, должно сопровождаться сознанием его необходимости, которое возникает только в том случае, если процесс мышления осуществлялся в соответствии с законами логики. Этим нормативные законы логики отличаются от естественных законов психологии. С психологической точки зрения всё, что мыслит индивид, является необходимым, поскольку все перемены в сознании подчиняются законам психологии.

Логическая необходимость — другого рода. Согласно Зигварту, она «коренится исключительно в содержании и в предмете самого мышления; своё основание, следовательно, она имеет не в изменчивых субъективных индивидуальных состояниях, а в природе объектов, которые мыслятся; и постольку необходимость эта может почитаться объективной» [2, с. 29].

Мышление объективируется в суждениях и умозаключениях, которые затем соотносятся с законами логики, тем самым устанавливается их необходимость и общезначимость. Нормативность логики Зигварт соединяет с представлением о том, что истину нельзя от-

делить от высказанного суждения. Это позволяет ему избежать психологического субъективизма в своей логике, и предмет логики не сводится к анализу структуры индивидуального сознания.

Казалось бы, Зигварт в этом вопросе попадает под критику Фреге, который видел основную ошибку психологизма в смешении понятий «истина» и «то, что считается истинным» (Fürwahrhalten) — мышление, суждение, умозаключение [10, с. 28]. Однако здесь есть терминологическая тонкость, на которую обращает внимание Вернер Штельцнер [18, р. 90]. Зигварт фактически подменяет в своей логике понятие «истина» понятием «общезначимость»: «общий характер того, что мы называем истинным, выражается в том, что оно есть необходимо и общезначимо мыслимое» [2, с. 31]. Ничто не может быть истинным, утверждает Зигварт, не будучи при этом общезначимым. А общезначимость — это характеристика выраженного в предложении суждения [2, с. 31]. Таким образом, он избегает явного субъективизма, и ему нет необходимости вводить мир вневременных объективных истин, как это делает Фреге.

Согласно Штельцнеру, Фреге хорошо знал «Логика» Зигварта, и именно сложность уличить Зигварта в субъективизме стало основной причиной того, что Фреге выбрал в качестве мишени своей антипсихологической критики логику Бенно Эрдмана [18, р. 90]. Как считает Штельцнер, Фреге проявил здесь большую пронизательность, чем Гуссерль, который посвятил антропологизму Зигварта отдельный параграф в своих «Пролегоменах».

Гуссерль утверждает, что «по Зигварту, было бы, следовательно, также фикцией говорить об истинах, которые значимы в себе и, однако, никем не познаны... Суждение, выражающее формулу тяготения, не было истинным до Ньютона. И, следовательно, при бли-

жайшем рассмотрении оно оказалось бы, собственно говоря, противоречивым и вообще ложным, ведь к интенции его утверждения явно принадлежит, помимо прочего, также безусловная его значимость для всякого времени» [1, с. 120]. В примечаниях к третьему изданию своей «Логике» Зигварт так отвечает на этот выпад: «Планеты, конечно, задолго до Ньютона совершали движение таким же образом, как это соответствует формуле тяготения. Но до того, как Ньютон установил свою теорию <...>, для человеческого познания вообще не существовало никакого положения относительно этого, которое могло бы быть истинным. Теперь, конечно, благодаря своему содержанию, оно имеет значимость также и для прошедшего времени. Из того, что о положении, которое вообще никогда ещё не мыслилось, нельзя утверждать, что оно истинно, — из этого Гуссерль заключает, что раньше оно было ложным. Разве можно о неродившемся человеке сказать, что он здоров, или сказать, что он болен? И если не является истинным, что он здоров, так как он ведь даже не существует, то разве отсюда вытекает, что он болен? Именно так и умозаключает Гуссерль» [2, с. 408].

Основания разногласий Гуссерля и Зигварта лежат гораздо глубже, чем конфликт психологизма и антипсихологизма в логике. Это конфликт реалистического и номиналистического подхода к пониманию истины и логических категорий. Если Гуссерль и Фреге придерживаются первого, то Зигварт — явно второго, отождествляя истинность с общезначимостью. Поэтому выдвинутые Гуссерлем против Зигварта обвинения в антропологизме и субъективизме попадают мимо цели.

Логическое учение Вильгельма Вундта. Основная задача логики, согласно Вундту, — «дать отчёт о тех законах мышления, которые являются эффективными в исследовании истины» [20, S. 1]. Он называет

свою логику «научной» и, подобно Зигварту, в своём труде стремится обосновать применение логики для целей научного познания. Свою «Логика» Вундт делит на две части: «Теория познания» и «Учение о методе». В первой части он рассматривает особенности логического мышления с позиций психологии, раскрывает нормативный характер логики и в этом контексте даёт проблематику традиционной логики: учение о понятии, суждении и умозаключении. Вторая часть посвящена логическому анализу нелогических отраслей знания и научной терминологии, методам доказательства и процедурам аргументации в отдельных науках.

Как и в случае с логикой Зигварта, логика Вундта, в силу поставленных перед ней задач, является прикладной. Поэтому Вундт осуждает формальное направление в логике: «Если логика стремится подчиняться тем условиям, которым подчиняется всякое научное исследование, то она не может исходить из предпосылки, что формы мышления безразличны по отношению к содержанию познания» [20, S. 5]. Обращение к содержанию познания для него выступает в качестве одного из критериев научности. Считая логику прикладной по отношению к научному познанию, Вундт также отвергает «метафизическое или диалектическое» направление в логике², согласно которому логическое мышление способно продуцировать из самого себя содержание знания.

Логика, утверждает Вундт, занимает промежуточное положение между психологией и всеми остальными теоретическими науками: «В то время как психология нас учит, как действительно совершается мышление, логика стремится определить, как оно должно совершаться, чтобы приводить к правильным знаниям. В то время как отдельные науки ставят своей целью установить фактическую истину, каждая в своей

² Здесь Вундт имеет в виду, прежде всего, логику Гегеля.

области, логика ищет общие правила для методов мышления, которые применяются в этих исследованиях» [20, S. 1]. Таким образом, нормативный характер логики отличает её от психологии и от отдельных наук.

Нормативную функцию логики и её связь с психологией Вундт поясняет, проводя аналогию с этикой: «Как она [этика], чтобы получить нормы для практического действия, проверяет с точки зрения нравственного значения чувства и определение воли, свойства которых описываются психологией, так и логика из многообразных связей представлений нашего сознания выделяет те из них, которые обладают законодательным характером для развития нашего знания» [20, S. 1].

Психологическое исследование логического мышления не является по Вундту частью самой логики, но выступает для неё в качестве необходимой пропедевтики. Такое исследование должно выявить особенности логического мышления, в том числе объяснить его нормативный характер.

На основе психологического анализа Вундт выделяет три свойства логического мышления: спонтанность (Spontaneität), очевидность (Evidenz) и общезначимость (Allgemeingültigkeit) [20, S. 78].

Спонтанность характеризует логическое мышление как свободную внутреннюю активность. Вундт решительно подчёркивает, что мышление в большей степени, чем другие связи представлений, обладает этим свойством. Поэтому он трактует мышление как акт воли (Willenshandlung) и соответственно логические законы как законы воли [20, S. 79]. Спонтанность логического мышления выражается в ощущении свободы мыслящего субъекта, в осознании субъектом активности собственного разума. Несмотря на то, что это чувство особенно сильно проявляется именно в про-

цессе логического мышления, оно не является для него специфичным. Любое другое сознательное восприятие также переживается субъектом вместе с ощущением себя в качестве источника своей активности [20, S. 79-80].

Очевидность и общезначимость представляют собой фундаментальные свойства, которые отличают логическое мышление по сравнению с другими видами психологической активности. Очевидность проявляется в качестве внутренней необходимости, присущей логическому мышлению, принуждающей приписывать его результатам непосредственную достоверность [20, S. 81]. Выделяемое Зигвартом свойство необходимости в сравнении с очевидностью отходит у Вундта на задний план. А общезначимость характеризует не суждения, а само логическое мышление, с одной стороны, как универсальное и очевидное для всех разумных существ, с другой стороны, как неограниченное в своём применении к какой-либо определённой сфере объектов [20, S. 86].

На свойствах очевидности и общезначимости также основывается нормативный характер логических законов: «Они охватывают все правила, которые содержат предписания в отношении всего очевидного и общезначимого в нашем мышлении» [20, S. 91]. Психологические законы не обладают очевидностью и общезначимостью. Несмотря на то, что и логические и психологические законы могут быть получены из наблюдения за действительным мышлением, только «логические законы представляют собой нормы, которые мы соотносим с действительным мышлением, чтобы проверить его правильность» [20, S. 91]. Разграничивая психологические и логические законы, Вундт, тем не менее, отмечает, что «в действительном мышлении нельзя полностью отделить логические законы мышления от психологических» [20, S. 91].

В своих «Прологоменах» Гуссерль уделяет Вундту значительно меньше внимания, чем Зигварту, замечая, впрочем, что «логика Вундта предоставляет психологическим мотивам, насколько это возможно, ещё больший простор, чем логика Зигварта» [1, с. 127]. Однако именно от Вундта последовал наиболее жёсткий ответ на критику Гуссерля [8, с. 139]. Вундт отвечает от себя обвинения в психологизме и считает, что критика психологизма уже была осуществлена в 1880-х годах — в первом издании его собственной «Логики» [4, с. 170], где он разграничил законы логики и психологии. Считая неприемлемой любую интерпретацию логических законов, отрицающую их нормативный характер, Вундт также отвергает другую крайность, которую он называет «логицизм» [21], заключающуюся в отрицании всякой связи между логикой и действительным мышлением. К логицистам Вундт причисляет прежде всего, конечно же, Гуссерля.

В работе «Психологизм и логицизм» [21] Вундт обращает внимание на то, что логицистам угрожает ситуация порочного круга: логические законы определяются как очевидные, а очевидность — как соответствие логическим законам. «Чтобы избежать этого круга, они вынуждены трактовать очевидность как окончательный факт, не поддающийся дальнейшему определению. И так как существование факта может быть принято, только если он так или иначе дан нам в созерцании, то ссылка на непосредственное созерцание и указание на неопределяемость могут рассматриваться как эквивалентные способы обоснования» [21, S. 625]. Однако обращение к непосредственному созерцанию в объяснении очевидности будет уже проявлением «нативистического психологизма» (*nativistische Psychologismus*) [21, S. 625].

Вундт также критикует гуссерлевскую концепцию чистой логики, однако понимает её, судя по все-

му, превратно. Он утверждает, что в обосновании чистой логики «психологический анализ непосредственных процессов сознания заменяется анализом понятий, основанным на языковом выражении мыслей. Тем самым основания «чистой логики» приобретают характер словесной и понятийной диалектики в том же смысле, в котором она когда-то разрабатывалась в номиналистической схоластике» [21, S. 603].

Как считает В.А. Куренной, «в протестантской Германии «схоластика» является идеологически нагруженным термином, поскольку, в частности, именно на рубеже XIX–XX веков активно актуализируется противопоставление кантовской (протестантской) и схоластической (католической) традиции. Использование эпитета «схоластика» в философской дискуссии этого периода можно трактовать как своеобразную инерцию Kulturkampf'a и стремление использовать в философской дискуссии рычаг давнего конфессионального и культурного противостояния» [4, с. 171].

Если обвинения в схоластике ещё можно объяснить полемическими задачами, стоявшими перед Вундтом, то обвинения в номинализме по отношению к Гуссерлю вызывают недоумение. Даже если отвлечься от того, что значительную часть второго тома «Логических исследований» (1901) Гуссерль посвятил обстоятельной критике номинализма, уже в «Прологоменах», в качестве одного из исходных пунктов своей анти-психологической критики Гуссерль проводит различие между тремя видами связей в познании: 1) связи переживаний познающего субъекта; 2) связи исследуемых вещей; 3) логические связи, т.е. специфические связи теоретических идей, конституирующих единство истин научной дисциплины, в частности научной теории, доказательства или умозаключения [1, с. 158]. Последний вид связей — это область идеальных значений, независимое существование ко-

торых постулирует Гуссерль, в отличие от Вундта, для которого реальным существованием обладают лишь психические процессы и объекты внешнего мира.

Логическое учение Теодора Липпса. В отличие от Зигварта и Вундта, которые подчёркивали нормативный характер логики и на этом основании разграничивали логику и психологию, Липпис считает это излишним и даже более того, ошибочным. Он определяет логику как «учение о формах и законах мышления» [6, с. 1] и добавляет: «Определять её подробнее, как учение о нормативных законах мышления, или учение о том, как следует правильно мыслить, не требуется, так как мы всегда правильно мыслим, поскольку мыслим. Ещё более ошибочно было бы, называя логику нормативной наукой, признавать противоположность между нею и науками о фактах. Вопрос, что мы обязаны делать, всегда сводится к вопросу, что нужно сделать, чтобы достигнуть какой-либо определённой цели, а этот вопрос в свою очередь равносильен вопросу, как цель фактически достигается» [6, с. 1].

Для Липпса логика выступает в качестве не этики, а физики мышления: «Но тогда те правила, которым надо следовать, чтобы мыслить правильно, есть не что иное, как правила, следуя которым мы мыслим так, как этого требует своеобразие мышления, его особая закономерность; короче говоря, они совпадают с естественными законами самого мышления³. Логика есть физика мышления, или же логика вообще не существует» [15, S. 530–531].

³ Аргументация крайнего психологиста Липпса, отрицающего различия между нормативными и естественными законами, очень схожа с аргументацией антипсихологиста Фреге в предисловии к «Grundgesetze der Arithmetik» [11, S. XV], где он подвергает критике Бенно Эрдмана, разграничивающего подобным образом законы логики и психологии. Что интересно, обе работы, и «Основы логики» Липпса, и «Grundgesetze der Arithmetik» Фреге вышли в 1893 году.

Отказываясь от тезиса о нормативности законов логики, Липпс, тем самым приравнивает логику к психологии мышления: «Логика есть дисциплина психологическая, так как знание бывает лишь в душе, и мышление, завершающееся знанием, есть процесс психический» [6, с. 1–2]. Однако логика занимает в рамках психологии особое место, объект логики — исследование отношения между знанием и ошибкой: «Если психология, в отличие от логики, не обращает внимания на противоположность между знанием и заблуждением, то из этого не следует, что психология считает однородными эти два психических состояния; это значит лишь, что она одинаково должна исследовать оба эти процесса» [6, с. 2].

Как и другие концинисты, Липпс включает в свою логику теорию познания: «нет никакого исследования познания, которое не было бы исследованием мышления, нет теории познания, которая не входила бы в состав логики, действительно выполняющей свою задачу» [6, с. 1].

В своей теории познания Липпс явно исходит из предпосылки о реальном существовании двух миров: мира объектов и мира сознания субъекта [6, с. 5]. Сфера логического, разумеется, помещается Липпсом во второй мир.

Он различает непосредственное сознание объективности и субъективности. В первом случае процесс представления зависит только от воли субъекта, во втором случае субъект не свободен в своих представлениях. Сознание объективности лежит в основе познания и может быть материальным или формальным. Материальное сознание объективности тождественно с непосредственным сознанием объективной действительности и реализуется в методе познания естественных наук [6, с. 7–8]. Формальное сознание объективности «заключается в сознании того, что к предмету со-

знания, как таковому, совершенно независимо от того, представляется ли он объективно действительным или нет, мы должны присоединить в представлении другой предмет. Таким образом, Липпс приходит к выводу, что формальное знание есть не что иное, как сознание безусловной необходимости в процессе представления» [6, с. 7–8]. Этот вид знания составляет область логики и точных наук, и «может быть названо априорным, или независимым от опыта» [6, с. 10].

Несмотря на характеристику формальности и априорности, логику Липпса нельзя понимать в духе кантовской общей логики, поскольку она не отвлекается от содержания познания. Об этом косвенно можно судить по делению суждений в логике Липпса на формальные и материальные: «Первые суть отдельные акты формального знания, а вторые — отдельные акты действительного или мнимого материального знания» [6, с. 21].

Проблема разграничения логики и психологии, которой так много уделяли внимания Зигварт и Вундт, перед Липпсом совсем не стоит: «Именно тем, что логика есть особая дисциплина психологии, оба эти понятия достаточно ясно разграничиваются» [6, с. 2]. Однако необходимо учитывать, что Липпс различал экспериментальную и чистую психологию, как науку о сознании, объединяющую в себе все науки о духе [14, р. 150].

В своих «Пролегоменах» Гуссерль пишет, что в логике Липпса «психологизм представлен так оригинально и последовательно, так чужд всяких компромиссов, так глубоко проведён через все разветвления дисциплины, как мы этого не видели со времён Бенекке» [1, с. 127]. На страницах «Пролегомен» Гуссерль часто цитирует Липпса в качестве примера радикальных психологистических взглядов в логике, однако нигде отдельно не разбирает его концепцию. Возможно,

причиной этого как раз и была крайняя последовательность Липпса, осложняющая критический анализ.

В отличие от Зигварта и Вундта, которые старались отвести от себя все обвинения в психологизме, Липпс был один из немногих «самопровозглашённых» психологистов, кто сам называл себя психологистом, даже после критики Гуссерля [14, p. 111]: «В своей слишком объёмной, и, тем не менее, превосходной книге «Логические исследования», Гуссерль называет меня «психологистом». Я отвечаю на это: я — психологист — но не по отношению к логикам, а по отношению к психологам, а именно по отношению к тем из них, кто полагает, что можно заниматься психологией, не принимая во внимание логические, эстетические и этические факты — поскольку эти факты являются также и психическими. Но я не психологист в том смысле, что я отрицаю самостоятельность этих фактов. Более того, я вижу в строгом разделении логического от внелогического психологического важнейшую задачу психологии. Психология есть всеобъемлющая наука. Даже логика — не основывается на психологии, но является её частью. Даже логика Гуссерля» [16, S. 178].

Заключение. Обзор психологистического содержания в логических учениях Зигварта, Вундта и Липпса позволил выявить следующие признаки, характерные для всех трёх концепций:

- включение теории познания (Вундт, Липпс) или её элементов (Зигварт) в логическое учение;
- отказ от формальности в логике, понимаемой в кантовском смысле как отвлечение от содержания знания;
- антиреализм, проявляющийся в отрицании существования мира логических значений,

независимого от мира психических процессов;

- признание логики априорной областью знания. В логических учениях Зигварта и Вундта это обеспечивается за счёт утверждения нормативного характера логических законов, а в логике Липпса — включением логики в чистую психологию сознания.

Однако были выявлены также и значительные расхождения в рассматриваемых концепциях.

Основное различие в логических учениях Зигварта, Вундта и Липпса заключается в понимании логической необходимости. В логике Зигварта она обусловлена общезначимостью выраженных в предложениях суждений. В логике Вундта логическая необходимость основывается на очевидности и общезначимости самого логического мышления. А Липпс сводит её к «безусловной необходимости в процессе представления».

Наибольшей оригинальностью обладает логическое учение Липпса. В отличие от Зигварта и Вундта, Липпс видит в психологии не основание для логики, а более общую науку, включающую логику в качестве своего подраздела. Липпс не ставит также перед логикой прикладных задач по отношению к научному познанию. Логика в его понимании не может выполнять функции руководства в методологии научного познания, поскольку это не совместимо с отрицанием нормативности логических законов и пониманием логики как «физики мышления».

Таким образом, даже в логических учениях отдельной группы представителей классического психологизма конца XIX – начала XX века — немецких концинистов, наблюдаются значительные расхождения в понимании задач логики, её оснований и места в структуре научного знания.

Список литературы:

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологемы к чистой логике / Пер. с нем. Э.А. Бернштейн под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова. — М.: Академический Проект, 2011.
2. Зигварт Х. Логика. Т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе / Пер. с нем. И.А. Давыдова. — М.: Территория будущего, 2008.
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1966.
4. Куренной В.А. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // Логос. 2010. № 5.
5. Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5–6.
6. Липпс Т. Основы логики. — СПб., 1902.
7. Маковельский А.О. История логики. — М., 1967.
8. Моханти Дж. Понятие «психологизм» у Фреге и Гуссерля // Логос. 2007. № 6.
9. Попов П.С. История логики Нового времени. — М., Изд-во Московского университета, 1960.
10. Фреге Г. Логические исследования // Фреге Г. Логико-философские труды. — Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.
11. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik, begriffsschriftlich abgeleitet. Vol. 1. — Jena, 1893.
12. Hanna R. Rationality and Logic. — Cambridge: The MIT Press, 2006.
13. Kaiser-el-Safti M. Der Psychologismus-Streit in geschichtlicher und systematischer Betrachtung // Kaiser-el-Safti M.; Loh W. Die Psychologismus-Kontroverse. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011.

14. *Kusch M.* Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. – London; New York: Routledge, 1995.
15. *Lipps T.* Die Aufgabe der Erkenntnistheorie und die Wundt'sche Logik I // Philosophische Monatshefte. 1880. Bd. 16.
16. *Lipps T.* Fortsetzung der "Psychologischen Streitpunkte" // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1903. Bd. 31.
17. *Schenk G., Meyer R.* Logik und Wissenschaftslehre: Logiklehrbücher von Kant-Anhängern und Konzinnisten in Halle zwischen 1822–1892: Gottlob Wilhelm Gerlach, Hermann Ulrici und Benno Erdmann. – Halle, 2006. Bd. 2.
18. *Stelzner W.* Psychologism and Non-Classical Approaches in Traditional Logic // Philosophy, psychology, and psychologism: Critical and historical readings on the psychological turn in philosophy. – Springer, 2003. – Bd. 91.
19. *Sukale M.* Logik und Psychologismus // Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie. 1988. Vol. 19. № 1.
20. *Wundt W.* Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 1. Erkenntnisslehre. – Stuttgart, 1893.
21. *Wundt W.* Psychologismus und Logizismus // Wundt W. Kleine Schriften. Bd. I. – Leipzig: Engelmann, 1910.
22. *Ziehen T.* Lehrbuch der Logik auf positivistischer Grundlage mit Berücksichtigung der Geschichte der Logik. – A. Marcus & E. Weber, 1920.

Об авторе

Лемешевский Константин Вадимович – младший научный сотрудник Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, klemeshevskiy@kantiana.ru.

About author

Konstantin Lemeshevskiy, scientific associate of the Kant Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University klemeshevskiy@kantiana.ru.